

(2)

ОСНОВНАЯ КОНСТИТУЦІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

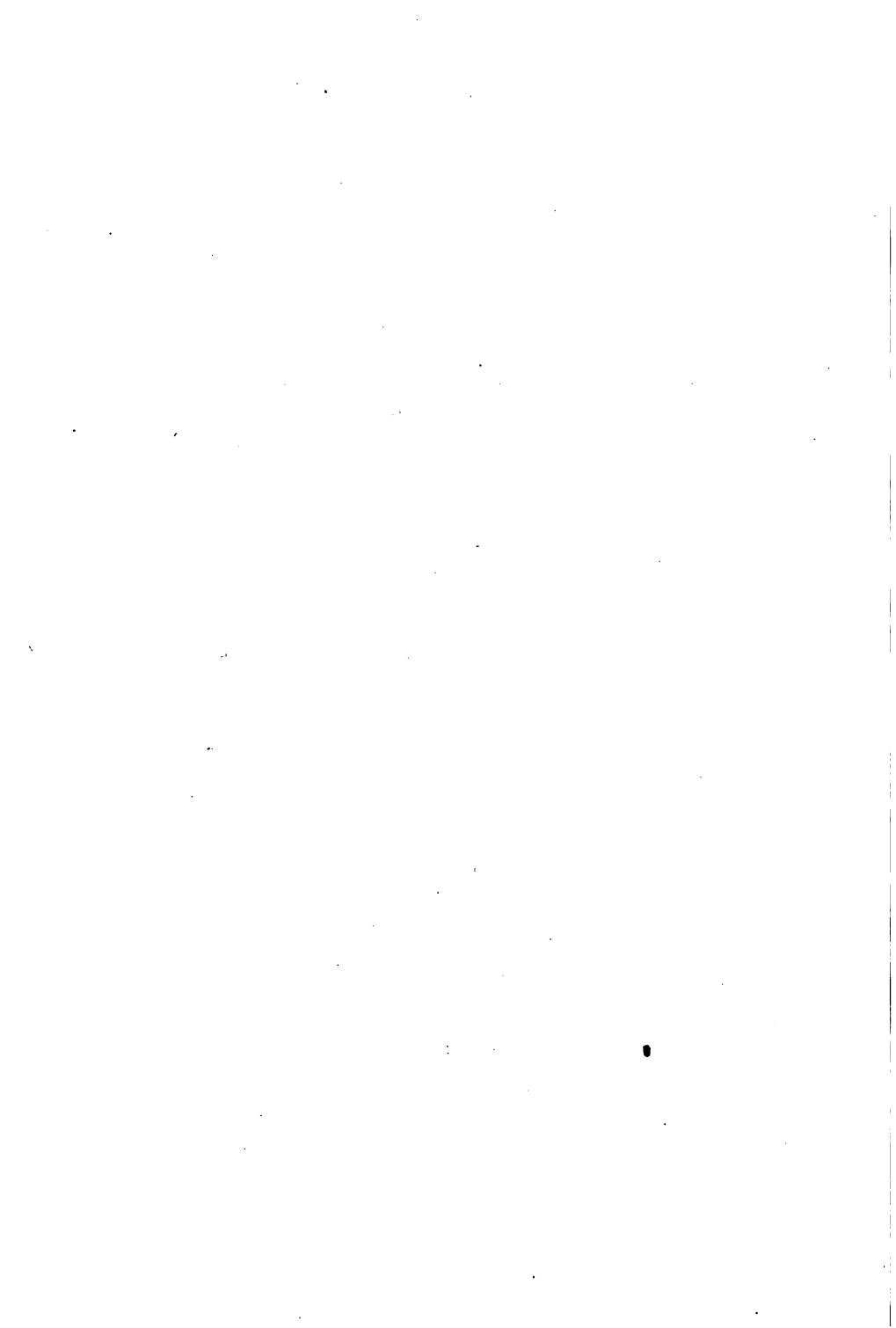
Сор. А. Плѣ.

Съ очеркомъ жизни и дѣятельности автора.

Издание К. П. Побѣдоносцева.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1897.

О Ч Е Р К Ъ

ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕ-ПЛѢ.

Пьеръ Вильомъ Фридерики Ле-Плѣ (Le-Play), сынъ таможенного чиновника, родился 11 апрѣля 1806 года, въ деревнѣ Ла-Ривьеръ, въ Кавальдосскомъ департаментѣ. Первые впечатлѣнія дѣтства неизгладимы: бѣдность прибрежныхъ рыбаковъ, разоряемыхъ англійскою блокадой, сильно подѣйствовала на ребенка, а рассказы старыхъ моряковъ, участниковъ войнъ первой половины прошлаго столѣтія, воспитали и усилили въ немъ чувства патріотизма.

Послѣ смерти отца, котораго Ле-Плѣ лишился очень рано, мать въ 1811 году отпустила ребенка въ Парижъ къ богатой, бездѣтной родственницѣ. Новая, роскошная столичная обстановка не заглушила, однако, въ мальчикѣ чувства любви къ природѣ и сельской

жизни, хотя четырехлѣтнее пребываніе въ обществѣ умныхъ и образованныхъ людей не прошло безслѣдно для будущаго мыслителя.

По возвращеніи въ Нормандію, мальчикъ продолжалъ курсъ ученія, подъ руководствомъ доброго, почтенаго священника, коего стѣсненное материальное положеніе имѣло также вліяніе на будущіе труды Ле-Плѣ. Въ 1818 году онъ поступилъ въ школу въ Гаврѣ и, поселившись съ матерью въ скромномъ домикѣ, сталъ заниматься одинъ, не прибѣгая къ помощи репетитора. Онъ любилъ читать Цицерона и изучать книгу Тацита «О нравахъ Германцевъ», а вскорѣ Монтень сдѣлался его любимымъ авторомъ. Въ 1825 году, по совѣту одного изъ друзей своихъ, готовившагося въ Политехническую Школу, Ле-Плѣ рѣшился попытать счастіе на этомъ трудномъ поприщѣ. Въ то время онъ уже былъ силенъ въ математикѣ настолько, что мѣстный землемѣръ, какъ онъ самъ, смеясь, объ этомъ разсказывалъ, предлагая ему поступить къ нему въ помощники, обѣщаю впослѣдствіи передать ему свое дѣло. Экзаменъ въ Политехнической Школѣ былъ выдержанъ отлично, и Ле-Плѣ въ 1825 году поступилъ вторымъ ученикомъ, а въ 1827 году перешелъ въ Горную Школу уже первымъ, съ радостью вырвавшись изъ стѣснительной казарменной обстановки, въ теченіе двухъ лѣтъ, по словамъ его, парализованной его способности, которая съ переходомъ въ Горную Школу снова развернулись въ полномъ блескѣ. Здѣсь онъ оказалъ такие успѣхи, что главноуправляющей путями сообщенія по-

здравилъ его письменно, заявивъ при этомъ, что не болѣе какъ въ два года «этотъ молодой человѣкъ успѣлъ стать во главѣ списка учащихся и пріобрѣсти 5.797 похвальныхъ балловъ, то-есть цифру, до которой никогда, со временемъ основанія училища, не доходилъ ни одинъ студентъ, даже прошедшій всѣ четыре курса».

Въ школѣ Ле-Плѣ особенно сдружился съ однимъ изъ товарищей—Ж. Рено: ихъ сближали одинаковая любовь къ деревенской жизни и одинаковая воззрѣнія на общественные вопросы; первый изъ нихъ отличался ясностью ума, точностію наблюденія и высшимъ пониманіемъ практической жизни; другой—литературнымъ талантомъ, любовью къ поэзіи и пламеннымъ воображеніемъ. Рено увлекался идеями санть-симонистовъ, Ле-Плѣ, напротивъ, отвергалъ ихъ, изъ чего возникали споры и разногласія относительно соціальныхъ вопросовъ, не нарушившія, однако, ни въ чёмъ ихъ дружбы.

Когда министръ, не ограничившись одной похвалой, ближе познакомился съ Ле-Плѣ и пожелалъ узнать его будущіе планы, молодой человѣкъ откровенно рассказалъ ему, какъ они съ Рено намѣрены дополнить во время слѣдующей школьнной экскурсіи свѣдѣнія по своей специальности еще изслѣдованіемъ причинъ процвѣтанія народовъ. «Г. Беке улыбнулся, говорить Ле-Плѣ, но не отнесся къ намъ съ недовѣріемъ, и даже принялъ мѣры къ обезпеченію успѣха нашего путешествія».

Какъ скоро идея о совмѣстномъ изученіи горнаго дѣла и соціальныхъ наукъ запала въ душу Ле-Плѣ, она не замедлила укорениться въ умѣ его, такъ какъ

онъ былъ не только настойчивъ, но и въ высшей степени положителенъ и требователенъ относительно самого себя. Благодаря привычкѣ къ точности математическихъ вычислений, Ле-Плѣ не могъ имѣть довѣрія къ теоретическимъ априорнымъ системамъ разныхъ соціальныхъ школъ. Онъ былъ увѣренъ въ существованіи критеріума, при помощи которого возможно было бы определить съ научною точностью тѣ причины, которые доставляютъ обществамъ благосостояніе или приводятъ ихъ къ упадку. Этотъ критеріумъ, по его мнѣнію, заключался не въ теоретическихъ и произвольныхъ измышеніяхъ, но въ тщательномъ наблюденіи и изученіи соціальныхъ явлений. Если существуютъ известные законы даже въ обществѣ муравьевъ и пчелъ, то тѣмъ болѣе должны существовать законы для усовершенствованаго и возвышенного общества людей, и эти законы не должны зависѣть отъ мѣста и времени, но должны быть непоколебимы; ихъ можно узнать по тому, что они постоянно подвигаютъ миръ и устойчивость. Изъ этого слѣдуетъ, что вся задача сводится не къ кабинетному ученому разсужденію объ устройствѣ быта народовъ, какъ это дѣлали Руссо, но къ странствованію по всему свѣту, съ цѣлью собрать какъ можно болѣе фактъ, тщательная разработка которыхъ должна открыть тайну устройства человѣческихъ обществъ и основные законы,—нарушение коихъ влечетъ за собою паденіе и разложеніе этихъ обществъ. Еще Беконъ предостерегалъ ученыхъ отъ излишняго довѣрія къ теоріи, напоминая, что она легко становится для человѣка идоломъ, кото-

рому онъ поклоняется безусловно, удаляясь отъ истины; онъ совѣтуетъ ученымъ носить постоянно «свинцовые сапоги», разумѣя подъ этимъ словомъ—*наблюденіе и опытъ*, съ которыми ученый ни на минуту не долженъ разставаться. Такъ Ле-Плѣ положилъ себѣ обойти, по возможности, всѣ мѣста, для того чтобы изъ дѣйствительныхъ фактovъ, безъ всякой предвзятой мысли, извлечь жизненную истину.

Въ маѣ 1828 года Ле-Плѣ и другу его удалось осуществить на дѣлѣ задуманное путешествіе по Сѣверной Германіи. Молодые люди путешествовали съ мая по декабрь и успѣли за это время познакомиться съ бытомъ рудокоповъ, плавильщиковъ, дровосѣковъ, угольщиковъ и перевозчиковъ на Гарцѣ, съ бытомъ сельскаго населенія Саксонской долины и береговыхъ рыбаковъ Ганновера, Ольденбурга и Нидерландовъ и, наконецъ, съ условіями жизни промышленного населенія Вестфаліи, Бельгіи и Рейнскаго бассейна. Друзья путешествовали пѣшкомъ, руководствуясь картой и компасомъ, и держась прямой линіи, когда ничто интересное не заставляло ихъ отъ нея уклоняться, причемъ пробирались дорожками, недоступными для лошадей и экипажей. Это путешествіе хотя и не дало возможностей найти законы, направляющіе благосостояніе и упадокъ человѣческихъ обществъ, но съ другой стороны, не говоря уже о множествѣ собранныхъ фактovъ, привело Ле-Плѣ къ той мысли, что въ соціальной наукѣ нельзя ничего придумывать и изобрѣтать, а нужно исключительно заняться изученiemъ народовъ, сохра-

нившихъ миръ и устойчивость. Онъ понялъ также, что если преслѣдоватъ эту цѣль съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, слѣдуетъ отрѣшиться отъ всѣхъ предразсудковъ, привитыхъ воспитаніемъ и окружающей средой, чтобы уже объективно воспринимать всѣ истины, которая можетъ раскрыть методъ наблюденія, хотя бы онъ и шли въ разрѣзъ съ самыми дорогими идеями и убѣжденіями.

Въ продолженіе зимы 1829—30, онъ посѣтилъ множество парижскихъ мастерскихъ. Весною, когда онъ собирался предпринять второе путешествіе, въ Горной Школѣ произошелъ взрывъ во время какихъ-то экспериментовъ, такъ сильно его поранившій, что онъ проболѣлъ серьезно цѣлые десять мѣсяцевъ. Въ это самое время вспыхнула революція. Не имѣя возможности владѣть обѣими руками и находясь въ самомъ безпомощномъ состояніи, Ле-Плѣ углублялся въ размышленія, окончательно опредѣлившія его дальнѣйшую судьбу, и твердо рѣшился по возможности смягчить бѣдствія, разразившіяся надъ его родиной, посвящая для этой цѣли ежегодно шесть мѣсяцевъ путешествіямъ.

Съ 1832 до 1840, онъ совершилъ восемь послѣдовательныхъ путешествій по Средней и Южной Испаніи, по Бискайи, Каталоніи, Бельгіи, Англіи и по Южной Россіи.

Въ Испаніи онъ нашелъ превосходныя черты соціального устройства, на ряду съ нѣкоторыми признаками дезорганизаціи, обнаруживавшимися главнымъ образомъ въ политическихъ кружкахъ, куда только-что

проникли идеи 1789 года. Наоборотъ, въ Бискай и Каталоніі онъ нашелъ самое очевидное доказательство соціального мира и благосостоянія: тѣсную связь между всѣми классами населения.

Англія произвела на Ле-Плѣ глубокое впечатлѣніе, которое онъ самъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Новый лучъ свѣта озарилъ мой разумъ, едва только я ступилъ на англійскую почву. Я испыталъ сперва внезапное удивленіе, смѣнившееся затѣмъ глубокимъ волненіемъ при видѣ того, какъ всѣ семейства, съ которыми мнѣ приходилось сближаться, руководствовались даже въ самыхъ обыкновенныхъ своихъ поступкахъ идеей почитанія Бога и подчиненія Закону десяти заповѣдей. Присутствуя нѣсколько разъ на лекціяхъ профессоровъ Конибера и Бекланда, обѣ образованіи земли, Ле-Плѣ былъ пораженъ, замѣтивъ, что оба эти ученые, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались воздать хвалу могуществу и милосердію Создателя. Онъ нашелъ въ Англіи такое же уваженіе къ родительскому авторитету и къ общественнымъ властямъ. По этому поводу онъ приводитъ очень характерный случай. Желая ближе познакомиться съ руднымъ дѣломъ, Ле-Плѣ сошелся съ однимъ извѣстнымъ рабочимъ, сдѣлавшимся помощникомъ мастера, и пригласилъ его пообщаться вмѣстѣ. Замѣтивъ, что гость послѣ первого блюда какъ будто чѣмъ-то озабоченъ, Ле-Плѣ вспомнилъ о томъ, что онъ еще не выпилъ за его здоровье, по мѣстному обычая. Но несмотря на то, что за вторымъ блюдомъ была выполнена эта формальность, Англичанинъ оста-

вался невозмутимъ и, посмотрѣвъ на Ле-Плѣ, поднялъ свой стаканъ съ словами: «За здоровье королевы». Тогда только Ле-Плѣ понялъ причину озабоченности своего гостя, такъ какъ ему, какъ иностранцу, слѣдовало отдать честь старой Англіи, провозгласивъ тостъ за здоровье королевы и, разумѣется, поспѣшилъ за третьимъ блюдомъ поправить свою оплошность, послѣ чего Англичанинъ сразу развеселился и сдѣлался совершенно неузнаваемъ. «Этого простого рабочаго звали Стиль, говорить Ле-Плѣ, и я всегда буду съ благодарностью вспоминать о немъ, такъ какъ онъ научилъ меня, лучше всякихъ классическихъ книгъ, понять одну изъ главныхъ нравственныхъ силъ англійского общественного строя».

Однако, на ряду съ этими хорошими свойствами отъ наблюдательности Ле-Плѣ не ускользнули и вѣкоторые недостатки, какъ, напримѣръ, распаденіе большого числа сельскихъ общинъ и мелкихъ частныхъ владѣній и утраты обычаевъ патронатства у многихъ богатыхъ поземельныхъ собственниковъ и промышленниковъ. Замѣчая, что за этими новшествами слѣдовало неминуемо нарушеніе мира и устойчивости, Ле-Плѣ убѣдился въ ихъ вредномъ вліяніи и принялъ этотъ выводъ къ свѣдѣнію. 1837 годъ Ле-Плѣ посвятилъ Россіи.

«Это путешествіе, говорить онъ, болѣе чѣмъ всѣ предшествовавшія открыло мнѣ новые элементы соціальной науки. Мнѣ пришлось входить въ близкія и продолжительныя сношенія съ рабочимъ классомъ, условія жизни котораго западная литература представляла въ

ложномъ свѣтѣ. Мои первыя впечатлѣнія при видѣ крѣпостного состоянія противорѣчили моимъ предвзятымъ мыслямъ, и потому я долго не довѣрялъ самому себѣ. Населеніе было довольно своею судьбой, подчиняясь нравственному закону равно какъ и верховной власти и господамъ, благодаря религіозному началу, которое поддерживало твердую вѣру. Изобиліе самородныхъ произведеній давало достаточные средства къ существованію. Какъ и въ Испаніи, взаимная короткость отношеній соединяла помѣщиковъ съ крестьянами. Съ этого первого своего путешествія я замѣтилъ, что главная сила Россіи заключалась во взаимной зависимости помѣщиковъ и крестьянъ. Духъ покровительства былъ въ сущности основаніемъ общественного строя. Во время этой поѣздки я привыкъ къ виду степей и получилъ возможность усвоить идеи пастушескихъ народовъ, оставившихъ глубокій следъ въ прошедшемъ Европы и Азіи. Укрѣпивъ свою мысль новыми путешествіями по Англіи, по Саксонской равнинѣ и Скандинавскимъ государствамъ, я пришелъ къ убѣженію въ плодотворныхъ результатахъ, которыхъ должно было ожидать отъ примѣненія *монографического метода*.

Итакъ, этотъ строгій методъ явился плодомъ восьмилѣтнихъ путешествій Ле-Плѣ. Методъ этотъ впослѣдствіи далъ ему возможность произвести какъ бы вскрытие соціального тѣла, разыскать всѣ факты въ научномъ порядкѣ и вывести изъ нихъ заключенія, ясность и очевидность которыхъ способна увлечь всякий умъ, стремящійся къ истинѣ.

Ле-Плѣ основываетъ найденный имъ методъ на томъ, что *начала общественного строя находятся въ идеяхъ, нравахъ и учрежденияхъ частной жизни, больше чѣмъ въ писанныхъ законахъ, такъ какъ частная жизнь характеризуетъ общественную, и семья есть основа государства.*

Съ этихъ порть такой способъ дѣйствія сдѣлался очевиднымъ для Ле-Плѣ; стоило только наблюдать до самыхъ мельчайшихъ подробностей известное число семействъ для того, чтобы открыть въ нихъ самый глубокій и первоначальный источникъ причины силы или слабости—процвѣтанія или упадка народовъ. Задача наблюденія, будучи ограничена семьей, дѣлалась вполнѣ точною и опредѣленною, тогда какъ наблюдение могло бы стать безконечнымъ и не приводить ни къ какимъ выводамъ, еслибы примѣнялось или къ отдаленнымъ личностямъ, или къ совокупности соціальныхъ явлений.

Овладѣвъ могучимъ средствомъ наблюденія и классификаціи, представляемымъ монографіей, онъ рѣшился приступить къ его примѣненію, провѣряя, дополняя и заключая въ эти рамки всѣ факты, собранные имъ съ 1829 года.

Съ удивительнымъ постоянствомъ и настойчивостью онъ снова предпринимаетъ цѣлый рядъ путешестій по Европѣ и частію по Азіи, и до 1853 посѣщаетъ по одному разу Данію, Швецію, Норвегію, Европейскую Турецію и Тироль, три раза Россію и Италію, шесть разъ Англію и Германію, два раза Испанію и Западную Азію.

«Въ теченіе лѣта я дополнялъ свое изученіе европейскихъ народностей, говорить онъ, знакомясь съ мѣстностью и вникая въ семейный бытъ населенія, а зимой приводилъ въ порядокъ всѣ собранные мною матеріалы.»

Ле-Плѣ въ своихъ изслѣдованіяхъ держался той мысли, что руководителями соціальной науки должны быть не профессоры-теоретики, не юристы, не горожане, но люди дѣла и опыта, проводящіе жизнь въ деревнѣ, изо-дна-въ-день занятые заботами о воспитаніи семьи своей и объ устройствѣ быта зависящихъ отъ нихъ людей. Этотъ пріемъ состоитъ въ связи съ однимъ изъ основныхъ положеній ученія Ле-Плѣ о великомъ значеніи авторитетныхъ людей въ обществѣ (*autorités sociales*). Подъ этимъ именемъ разумѣлъ онъ людей разума и опыта, привлекающихъ къ себѣ общее уваженіе и возбуждающихъ своимъ примѣромъ къ подражанію окружающую ихъ среду, людей сильныхъ преданностью верховному закону вѣры и добрымъ преданіямъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ. Счастливо общество богатое такими людьми, а оскудѣніе такихъ людей грозить обществу бѣдой. О такихъ людяхъ помышлялъ еще Платонъ: это, по словамъ его (*De legibus. XII*), люди божественные; они рождаются и между варварами, равно какъ и у племенъ образованныхъ. Обращеніе съ ними—дѣло безцѣнное, и гражданинъ, ревнующій о благѣ отечества, долженъ, когда нужно, странствовать въ дальніе края за ихъ совѣтомъ, и у нихъ учиться, какъ утвердить правду и исправить неправое въ учрежденіяхъ своей родины. Эта глубокая мысль древняго му-

дреца давно была изношена и забыта посреди шума законодательныхъ и совѣщательныхъ собраній, въ коихъ новая политика привыкла почерпать счетомъ голосовъ мнимую истину. Ле-Плѣ, приложивъ эту мысль къ своему дѣлу, объяснилъ существенное ея значеніе для всякаго общества, стремящагося выбиться изъ тьмы къ свѣту и стать на правый путь въ своихъ учрежденіяхъ.

По совѣту Франсуа Араго, Ле-Плѣ, только-что окончившій свои наблюденія надъ множествомъ (болѣе 300) семействъ въ самыхъ разнородныхъ странахъ и условіяхъ жизни напечаталъ въ 1855 монографію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ первомъ изданіи своихъ *Ouvriers Européens* (Европейскіе рабочіе), и этотъ трудъ въ слѣдующемъ году получилъ отъ Академіи Наукъ премію по статистикѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ основалъ «соціальное экономическое общество» (*Societé d'Economie Sociale*), признанное въ 1869 г. весьма важнымъ общественнымъ учрежденіемъ и означеновавшее свою дѣятельность изданіемъ «*Ouvriers de deux Mondes*» (рабочіе въ обоихъ полушаріяхъ), и множествомъ другихъ замѣчательныхъ трудовъ, помѣщенныхъ въ издаваемыхъ имъ *Запискахъ*.

Не прерывая своихъ соціальныхъ изслѣдований, Ле-Плѣ находилъ возможность серьезно заниматься металлургіей и издалъ въ 1883 г., по возвращеніи изъ своего путешествія по Испаніи, сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*Observations sur l'histoire naturelle et sur la richesse*

minérale d'Espagne («Замѣтки о естественной исторіи и о минеральныхъ богатствахъ Испаніи»).

Когда Анатолій Николаевич Демидовъ въ 1837 году предпринялъ на свои собственные средства экспедицію съ ученою цѣлію на югъ Россіи, Ле-Плѣ принялъ въ ней участіе, въ качествѣ геолога и спеціалиста по разработкѣ копей, причемъ каменноугольный Донецкій бассейнъ долженъ былъ служить главнымъ предметомъ его занятій. Ле-Плѣ первый далъ обстоятельную карту этихъ замѣчательныхъ залежей, и Демидовъ пришелъ въ такой восторгъ отъ своего сотрудника, что, не желая разстаться съ нимъ, поручилъ ему реорганизовать эксплуатацию всѣхъ металлическихъ залежей, принадлежавшихъ ему на Уралѣ, гдѣ подъ управлениемъ Ле-Плѣ находилось до 45.000 рабочихъ. Труды его по этому вопросу увеличили въ громадномъ размѣрѣ доходы владѣльца*.

Изучивъ metallургический вопросъ въ Австріи, Германіи и Скандинавіи, Ле-Плѣ продолжалъ производить важныя изысканія въ Англіи. Результатомъ этихъ трудовъ явились различныя сочиненія, и именно: въ 1848 г. «Металлургические процессы, примѣняемые въ Валлійскомъ Княжествѣ для выдѣлки мѣди» и въ 1853 его же книга по вопросу «О новомъ способѣ, употребляемомъ въ лѣсахъ Каринтии для выдѣлки желѣза».

* Въ это время познакомился съ Ле-Плѣ и близко узналъ его покойный графъ С. Г. Строгоновъ; онъ всю жизнь помнилъ его и говорилъ объ немъ съ величайшимъ уваженіемъ.